



## Пролог



У меня вообще-то довольно много профессий. Институт я окончил со специальностью «производство полупроводниковых приборов», но работать начал в НИИ, занимающемся авиационной радиоэлектроникой, которая в то время была исключительно ламповой. Однако режимное предприятие ни малейшего восторга у меня не вызывало, и, как только были отработаны три года по распределению, я перебрался в ФИАН. После чего сменил еще два места работы, оставаясь, однако, электронщиком-универсалом, тогда такие еще были. Сейчас их практически нет, но не потому, что люди стали глупее, а просто сама электроника неизмеримо усложнилась.

Впрочем, одной зарплаты мне всегда не хватало, причем независимо от ее величины. Хотелось как минимум полторы, а лучше даже две или вовсе две с половиной. Вопреки довольно распространенному сейчас мнению, в Советском Союзе никаких особых проблем с этим не было — если, конечно, не зарываться. Я ремонтировал магнитофоны, телевизоры, утюги и велосипеды, собирал на заказ звуковые усилители высшего класса, в том числе и на не любимых мной лампах, а после выхода ВАЗа на проектную мощность заметной статьей дохода стали автомобильные сигнализации. В общем, я не бедствовал ни при социализме, ни после. И сейчас не жалею. Пенсия, конеч-


## Андрей Величко

---

но, небольшая, так я и не пытаюсь жить только на эту нищенскую подачку от государства. Китайские сварочные инверторы, скажем прямо, это вещь. Схемно они все застыли на уровне девяностых годов прошлого века, то есть ремонтируются без особых проблем, зато горят хорошо, особенно дешевые, то есть самые массовые. Но, впрочем, не сварочниками едиными жив человек. Недавно появились гироскутеры и моноколеса, а это тоже не совсем образец надежности, особенно в малобюджетном секторе. В общем, я еще не настолько обнищал, чтобы брать деньги за то, что у меня получается чуть ли не хуже всего, что я умею, но все-таки получается. И что я считаю самым главным своим талантом. И случаев, когда мне удавалось достичь хоть какого-то успеха именно в таком качестве, было не один и не два. Как именно выглядел тот самый успех? А вот об этом, пожалуй, лучше рассказать немного погодя. Хотя... чего тут особенно скрывать-то... в общем, я слабый, не очень умелый, но все-таки экстрасенс.

## Глава 1



 Примерно полгода назад у меня появились небольшие неприятности, начавшиеся с визита участкового.

— Виктор Васильевич, — заявил он, — к нам пришел сигнал, что вы занимаетесь незаконной коммерческой деятельностью.

Блин, без особого расстройства подумал я, кто же настучал-то? Сергеич, которому уже третий раз восстановил его безымянный сварочник? Да нет, скорее та нервная мамаша с гироскутером. Впрочем, хрен они что докажут, левых денег на карту я не принимаю принципиально, отговариваясь общей дремучестью. Интересно, у участкового хватит полномочий инициировать блокировку моего счета или нет? Наверное, нет, ибо если бы он мог, то уже это сделал бы, а только потом пошел разговаривать. Или я о нем зря плохо думаю?

Дальнейшая беседа показала, что это скорее всего так.

— Вы лечили гражданина Ликина?

— Нет, — с чистой совестью ответил я. — Просто поговорил с ним, попытался успокоить. Он пришел ко мне сильно напуганный своей язвой, думал, что на самом деле у него рак. Откуда он взял, что я народный целитель и могу ему помочь, понятия не имею. Наверное, наплела соседка с третьего этажа, у нее

с головой давно не в порядке. Ну, чтобы его успокоить, я над ним помахал руками и сказал, что никакого рака у него нет, а язва скоро сама заживет. Никаких денег он не предлагал, да я бы и не взял.

— Вас не затруднит написать все, что вы сказали, в виде объяснительной?

— Разумеется.

Я быстро сочинил отписку, отдал ее участковому, а потом еще почти час расстраивался по поводу людской неблагодарности. Этот Ликин, когда я отказался от денег, похоже, решил, что я ему обязан по жизни. И, благо язва действительно зарубцевалась (кстати, не факт, что именно от моих усилий), явился чего-то требовать, да еще и пьяным. А пьяные мне противны, поэтому я не спустил его с лестницы только потому, что он мгновенно понял мои намерения и слинял сам. А теперь, значит, кляузы пишет? Да чтоб он сдох, зараза!

Весь остаток дня я злился, сам себе удивляясь, потом ночью снилось что-то, чего не удалось вспомнить, проснувшись. Зато встал в самом радужном настроении. Ей-богу, так и хотелось вот прямо сейчас сделать хоть кому-нибудь что-то хорошее! И только к обеду настроение пришло в норму. Это что, уже старость? Как-то я себе ее влияние представлял немного не так.

Вот только вскоре я случайно узнал, что этот Ликин помер именно тем прекрасным утром. С вечера нажрался до свинского состояния, ну, а утром — острая сердечная недостаточность. М-да-а... в принципе, конечно, это все скорее всего чисто случайно совпало. А если нет? Вот ведь не было б печали! Нет уж, экстракиллером я подрабатывать не буду, даже не уговаривайте. Но если не брать денег, а действовать исключительно из высших гуманистических побуждений, это ведь совсем другое?

Тьфу, вот ведь гадость какая в голову лезет, попенял я сам себе. И напомнил себе же, что далеко не

факт, будто мои способности являются моей личной заслугой. Не исключено, что здесь отметились какая-то высшая сила из принципиально непознаваемых мной соображений. И, значит, ее лучше зря не злить всякими такими левыми мыслями, вдруг она действительно есть. А то ведь невзначай и ответка может прилететь.

Вот уж не знаю, была ли тут связь, но в течение трех с лишним месяцев после этой истории я ни к кому свои способности не применял.

А вот тут, пожалуй, не помешает кое-что уточнить.

Я не умею взглядом зажигать или гасить огонь, ко мне не липнут гвозди, вилки и прочие железные предметы. Телекинезом не владею, чужих мыслей не читаю. Предсказывать будущее даже не пытаюсь за полной бесполезностью этого занятия, равно как и искать пропавших людей по фотографии.

Мне удастся только лечить. Людей, собак, кошек точно, это я делал, и довольно часто неплохо получалось. Голубей не пробовал и пробовать не буду, ибо не люблю этих летучих крыс. Не исключено, что могу прогнать тараканов, но наверняка утверждать этого не стану — было-то всего один раз, и, может, они тогда из квартиры сами ушли. Более того, и человека-то я способен вылечить не от всего и не всякого. И очень редко получается, чтобы сразу и до конца. Реальный результат — пациенту становится лучше, и дальше он потихоньку выздоравливает сам. А иногда бывает, что и не выздоравливает.

Если усреднить, то дело обстоит примерно так. Из десяти моих моему благотворному влиянию поддадутся двое, на остальных я вообще никак воздействовать не смогу. Причем это чувствуется сразу, с первых секунд общения.

Из оставшихся двоих одного будет лечить довольно трудно, а результат окажется умеренным. Таким был не к ночи будь помянутым Ликин, например. От-

чего я и сомневался, мое ли воздействие ему помогло или с язвой все-таки справились врачи в поликлинике.

И, наконец, последнего, десятого, я буду чувствовать как себя, и результат воздействия окажется соответствующий. Мне ведь не нужно знать, как медики называют его болезнь — язва желудка, рак поджелудочной железы или межреберная невралгия. Достаточно взять человека за руки, мысленно стать им и постараться справиться с его недугом, как со своим. Это действительно возможно, хотя иногда сеанс может длиться пару часов, да еще одного и не всегда хватает. А со своими болячками я справляться умею. В шестьдесят шесть лет я даже не знаю, где моя районная поликлиника, хотя живу в теперешней квартире уже девятый год после того, как снесли мою старую пятиэтажку. Во-первых, мне к врачам не надо. А во-вторых, если кто-то из них вдруг внимательно изучит мое здоровье (понимаю, что фантастика, но все же) да еще доложит результаты наверх, это станет мощным аргументом за повышение пенсионного возраста. Нет уж, перебудутся.

Ладно, это я немного отвлекся. Есть и еще одно ограничение. Исцелив кого-то хоть от зубной боли, я на какое-то время теряю свои трансцендентные способности, даже себя в случае чего подлечить не могу. Иногда это продолжается пару дней, иногда неделю, а один раз затянулось на полтора месяца. Причем от тяжести состояния пациента это не зависит совершенно! А от чего — да хрен его знает.

Так вот, после контакта с безвременно откинувшим копыта гадом Ликиным я на целых три месяца впал в недееспособность. Даже начал беспокоиться, что это навсегда, но тут мои способности вернулись, причем резко и не совсем обычно.

Когда пациент рядом, особенно тот, который в моей классификации «десятый», я чувствую, что ему нужна помощь — иногда даже до того, как возьму его за руки. И, кстати, если эту самую помощь не оказать, то полу-

чается какой-то откат. Дерьмом я себя начинаю чувствовать, причем в буквальном смысле слова. Полная иллюзия, будто воняю, причем на редкость омерзительно, аж голова кружится. Было такое со мной один раз, в метро во время давки. Может, действительно следовало наплевать на приличия и сказать «женщина, извините, но вы серьезно больны, и я могу вам помочь»? Так ведь небось послала бы. В общем, ощущения потом были весьма далеки от положительных.

И, значит, возвращение способностей началось с того, что я почувствовал — кому-то нужна моя помощь. Очень нужна, человек умирает. На основании предыдущего опыта могу сказать — для столь сильного ощущения нужен установившийся тесный контакт. Но я в квартире один! И соседняя стоит пустая, ее жильцы на днях всей семьей уехали отдохнуть в Египет.

На всякий случай я вышел и позвонил в дверь соседям — мало ли, вдруг кто там остался и ему нехорошо? Но никакой реакции на мой звонок не последовало. И вообще ощущения стали слабее, как будто я удалился от объекта.

Быстро выяснилось, что сильнее всего меня нахлобучивает около дивана. Да что же это такое, ко мне пробрался какой-то человек-невидимка, разлегся тут и заболел? Причем не только невидимка, но еще и неощутимка до кучи. Привидение взывает о помощи? Так оно хоть посветилось бы, что ли! Не умею я колдовать вслепую. Лечь, может, на этот диван, глядишь, ситуация немного прояснится?

Я так и сделал и, что удивительно, вскоре задремал. Да ладно, чего уж тут выбирать осторожные эпитеты! Просто заснул, или даже задрях. Вплоть до того, что мне приснился сон. И не сказать, что такой уж приятный.

Я лежал и смотрел в потолок. Грязно-белый, в трещинах, а чуть в стороне от поля зрения на толстом перевитом шнуре висела лампа без абажура. Кстати,



даже такое простое движение, как еле заметный поворот головы, мне удалось с большим трудом. Чувствовал я себя отвратительно, голова болела, а всего остального просто не ощущалось. И в этом сне подлечить себя у меня не было ни малейшей возможности. Причем я отчетливо понимал, что это именно сон.

Тут в помещение, где я валялся, зашли люди. Судя по шагам, не меньше трех человек, со слухом во сне все оказалось в порядке.

— Младший сержант Скворцов! — заговорил один из вошедших. — Несчастный случай на учениях! Контузия, черепно-мозговая травма, третьи сутки в коме...

Дальше он продолжал, похоже, на латыни.

— В коме? — переспросил другой голос. На слух — существенно старше первого. И по возрасту, и по положению — чувствовались этакие начальственные нотки.

— Кажется, из комы наш пациент уже вышел. Ну-с, товарищ сержант, как самочувствие?

Так как дело происходило во сне, то я собрался было ответить «гусь свинье не товарищ», однако вовремя понял, что столь длинной и сложной фразы мне в теперешнем состоянии не осилить. И просто просипел:

— Хре... ново...

А потом в глазах потемнело, и я проснулся.

Настроение было безоблачным, и вообще испытывалась легкая эйфория. Так со мной иногда бывало после удачно проведенного сеанса, но сейчас я вроде никого не лечил. Кроме того, все мои способности при мне, причем они практически на максимуме! Чудеса, да и только.

Я глянул на часы — поспал часа полтора, нормально. После чего сходил ополоснуть физиономию и, уже вытираясь, обратил внимание на еще одну странность.

У многих, не только у меня, запомнить сны получается редко и только по специальной методике. То

есть, еще не до конца проснувшись, человек обычно хорошо помнит все произошедшее с ним во сне. Но стоит пошевелиться — и половины воспоминаний как не бывало. Встал — испарилась еще половина, уже от оставшегося. Прошелся до туалета и обратно — и хорошо, если помнишь, на какую тему был сон, но часто не остается даже этого.

Эту закономерность можно обойти. Надо всего лишь сразу прокрутить в памяти все произошедшее во сне — ну вроде как снять резервную копию. Сами воспоминания и в этом случае, как всегда, быстро исчезнут, но копия останется.

Вот только я давно подобным не занимался. Зачем? Емкость человеческой памяти не бездонна, и не стоит засорять ее не пойми чем, особенно в не таком уж юном возрасте. Поэтому я бы несколько не удивился, не обнаружив почти никаких воспоминаний о недавнем сне. Однако удивляться пришлось другому — все они остались в полной неприкосновенности. При желании я мог восстановить чуть ли не каждую секунду! А уж каждую минуту — наверняка. Не забылись даже незнакомые слова, что произносились там в моем присутствии. Ну прямо какой-то день сюрпризов, право слово.

В общем, я решил считать, что мои способности вышли на новый уровень и теперь я могу воздействовать на страдающих дистанционно и не имея ни малейшего понятия о том, где они находятся и кто это вообще такие. Вон, похоже, помог какому-то солдатику, и это хорошо. А если мне все просто приснилось, то тоже неплохо, сил-то я на это не потратил.

Примерно через неделю я вновь почувствовал то смутное беспокойство, которое недавно заставило меня лечь и увидеть сон. Только теперь оно было гораздо слабее, если бы не прошлый раз, я бы вообще не понял, что это, и не обратил бы особого внимания. А так — лег, поворожался и, задремав, увидел продолжение.

Оно было довольно странным. Мне снилось, что я лежу в полной отключке, то есть без сознания. Своеобразное, доложу вам, ощущение! До сих пор со мной такого ни во сне, ни наяву не случилось — чтобы лежать без сознания и прекрасно это понимать. Вот только чем бы заняться, скучно же! Глаза не открываются, ничего не слышно и почти ничего не чувствуется.

Однако занятие быстро нашлось. Оказалось, что я могу немного помочь этому организму, не важно, порождение ли он моего сна или некто реально где-то существующий. Ну, я и начал помогать. Время в такой ситуации ощущалось так себе, но явно прошли не минуты и даже не десятки минут. Часов пять как минимум, а то и все десять. Наконец организму стало лучше, он уже совсем собрался прийти в сознание, и я проснулся.

Первым делом глянул на часы — вот те раз! Спал-то всего минут сорок пять. Но что на помощь потустороннему пациенту ушло намного больше времени, тут сомнений быть не может. Значит, это все-таки сон, только там за час-другой реального времени может пройти неделя. Жалко — выходит, примерить на себя роль великого гуманиста, без колебаний бросающегося на помощь ближнему, не получится. Ну да ладно, обойдусь, сон так сон. Зато можно не волноваться, что я там натворю чего-нибудь не того. Хотя, конечно, лучше особо не безобразить. Учиню-то какую-нибудь глупость я, может, и во сне, зато стыдно будет наяву.

Эти сны посещали меня еще несколько раз, хоть и не каждый день. Пациент потихоньку поправлялся, причем выяснилась интересная подробность.

Сначала я обратил внимание, что реальная продолжительность сна (не всякого, а только такого, в котором я переносюсь в того контуженного парня) постоянно сокращается. То есть я ложился, засыпал,

потом лежал уже в теле пациента, потихоньку лечил его, просто так пялился в потолок, слушал разговоры медперсонала, потом засыпал и просыпался в своей квартире минут через пятнадцать. Причем спать мне не хотелось совершенно — как будто я продрых часов семь, если не вообще восемь. Что интересно, и по ту сторону сна было то же самое. Поэтому приходилось часов по пять подряд делать вид, что пациент спит, а то не дай бог его снотворными пичкать начнут.

Еще одним дополнительным аргументом за то, что это все-таки сон, было то, что о пациенте я почти ничего не знал. Почти — это потому, что за время лежания я из разговоров окружающих узнал, что меня здесь, как и в реальности, зовут Виктор, зато фамилия Скворцов, а не Антонов. Звание — младший сержант. На учениях что-то взорвалось, и мне хорошо прилетело. Все думали, что я вот-вот склею ласты, а я вдруг взял и ожил. Чудеса, да и только!

Впрочем, скоро выяснилось то, что лично на меня произвело куда более серьезное впечатление. Ну, что пациент не помер — это хорошо, но не так чтобы удивительно — я же его сам вытягивал. А вот заявление медсестры о том, что совсем недавно в космос летали Николаев и Попович, меня сбило с толку.

— Э... а какой сейчас год?

— Бедненький, эк тебя приложило-то! Шестьдесят второй у нас год, какой же еще. Одиннадцатое октября сегодня.

— А где я?

— Даже этого не помнишь? Да ты не пугайся, тобой сам Максим Илларионович занялся, а к нему лечиться приезжают аж из Хабаровска и Читы. В Белогорске мы, это армейский госпиталь. Вылечит тебя наш доктор, ты не думай, он и не таких на ноги ставил.

Ага, подумал я, мне снится, что у меня амнезия. Да и ладно, настоящую-то свою жизнь я прекрасно помню, а что приснившуюся начисто забыл, это не страшно, мне ее небось скоро расскажут. А лежу я,